УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/6

ПОЧТОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ УСЛОВИЙ ИХ СОДЕРЖАНИЯ В ПЛЕНУ*

Б.К. Дулатов

Остравский университет

Чешская Республика, 70103, г. Острава, ул. Дворжакова, 7

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Авторское резюме

На основе изученных архивных материалов проанализировано содержание отчетов представителей военной комиссии по цензуре, которые в результате своей служебной деятельности подвергли систематизации и анализу определенное количество персональной корреспонденции австро-венгерских и германских военнопленных Первой мировой войны. В содержательной части писем солдат и офицеров к своим родным и близким отражены те тяготы плена, с которыми пришлось столкнуться в лагерях на территории Российской империи. Особый научный интерес представляют сведения о повседневной жизни военнопленных, их политические умонастроения, контакты с местным населением, процесс адаптации в специфической социальной среде. Автор постарался установить, как по-разному люди, попавшие в плен, относились к своему положению, к новому социальному статусу, как по-разному переживали сложившуюся ситуацию отдельные представители, указанные в отчете сотрудников военной цензурной комиссии. Письма как источник по изучению прошлого являются одной из граней источников личного происхождения, которые обладают уникальной спецификой. Так, например, при анализе архивных документов довольно часто можно наблюдать различную реакцию военнопленных

* Данная статья была написана в рамках проекта Моравско-Силезского края «Поддержка талантливых аспирантов Остравского университета», финансируемого из бюджета MSK (04544/2017/RRC).

на одно и то же историческое событие. Подобное множество мнений способствует сравнительному сопоставлению и установлению истины. В результате введения в научный оборот новых архивных документов предпринята попытка дополнить уже известные науке данные об условиях содержания военнопленных Первой мировой войны на примере пленных, рассредоточенных в Омском военном округе летом 1917 г.

Ключевые слова: военная цензура, Омский военный округ, австро-венгерские военнопленные, Тюмень, Тобольск, Акмолинск, Петропавловск.

POSTAL CORRESPONDENCE OF AUSTRO-HUNGARIAN AND GERMAN PRISONERS OF WAR OF THE OMSK MILITARY DISTRICT AS A SOURCE FOR STUDYING THE CONDITIONS OF THEIR DETENTION IN CAPTIVITY*

B.K. Dulatov

University of Ostrava

7 Dvořakova, Ostrava, 70103, Czech Republic

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Abstract

Drawing on the archives, the author analyses the reports of military censorship commission members, whose official function was to systematise and analyse the personal correspondence of Austro-Hungarian and German prisoners of the First World War. The letters of soldiers and officers to their families and friends are reflective of the captivity hardships they had to face in the Russian camps. Of particular scientific interest is the information about their daily life, political stance, contacts with the locals and social adaptation. The author describes different attitudes of the prisoners of war to their conditions and new social status, focusing on a range of emotions of the individual prisoners of war reported about by the military censors. Written personal correspondence is a unique primary source for studying the past. Thus, the

* This article was written in the framework of the project of Moravian-Silesian Region "Support for Talented Graduate Students of the University of Ostrava", funded from the budget of MSK (04544/2017 / RRC).

analysis of archival documents provides the information about different reactions of prisoners of war to the same historical event. Such a variety of opinions contributes to the comparative analysis aimed at establishing the truth. New archival documents introduced by the author into the academic circulation supplement the data about the conditions of prisoners of the First World War, namely those dispersed in the Omsk military district in the summer of 1917.

Keywords: military censorship, Omsk military district, Austro-Hungarian prisoners of war, Tyumen, Tobolsk, Akmolinsk, Petropavlovsk.

В современной российской историографии существуют комплексные работы, посвященные проблеме условий содержания военнопленных чехов, словаков, венгров, австрийских немцев и других граждан Австро-Венгрии в различных лагерях на территории обширных регионов Российской империи. Однако как в научных кругах, так и у широкой общественности, нет и наверняка не может быть однозначного мнения относительно условий нахождения в плену представителей различных национальностей. Определенная часть военнопленных, возможно, стойко переносила невзгоды и тяжести плена благодаря индивидуальным особенностям характера, другие – в силу конфессиональной, культурной или языковой близости с местным населением. Эти люди, несмотря на свой новый социальный статус, старались активно включаться в общественные и политические процессы того времени, обзаводились семьями, пытались использовать свои знания, умения и навыки для пользы общества, с которым вынуждены были контактировать в результате интернирования в глубь страны. В архивных документах, в сохранившейся личной корреспонденции, в мемуарах, дневниках очевидцев тех лет встречаются сведения о том, насколько тяжелым было пребывание в русском плену, что объясняется естественными причинами нахождения в неволе и желанием как можно быстрее обрести свободу.

На наш взгляд, в исторической науке немаловажное значение приобретают такие аспекты нахождения в плену, как характеристика образа мышления военнопленных, их внутренние психологические переживания, процесс ментальной адаптации и принятие своего положения как реального явления. Надеемся, что обнаруженные в архиве отчетные документы сотрудников военной цензурной комиссии смогут дополнить картину условий содержания в плену солдат и офицеров Австро-Венгерской и Германской империй.

Вопросу чешских и словацких военнопленных, равно как и других подданных Габсбургской империи, будь то немцы, австрийцы, поляки, венгры, русины и др., в российской и зарубежной историографии

посвящено большое количество научных трудов. К первой группе можно отнести работу военного корреспондента Н.С. Каржанского, в которой автор в хронологическом порядке изучил проблему взаимоотношений чешских и словацких военнопленных с представителями царского, Временного и большевистского правительств [7]. Еще одним важным источником является труд В.С. Драгомирецкого, где уделяется внимание развитию межславянских отношений и формированию чехословацких военных подразделений [5].

В историографии советского периода высокое место занимает работа А.Х. Клеванского, в которой исследователь осветил положение чехословацких военнопленных, их занятость в плену, численность и место дислокации, политические установки отдельных группировок [8].

Следует отметить исследование М.Д. Савваитовой, где отражены вопросы рекрутизации чехов и словаков в национальные воинские подразделения [16]. Проблеме международного статуса военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны, вопросам их обмундирования, питания, санитарного состояния посвящена научная работа С.Н. Васильевой [1].

Условия размещения австро-венгерских военнопленных на территории Западной Сибири, использование их в качестве рабочей силы на промышленных объектах региона и в сельском хозяйстве освещены в научном труде И.А. Еремина, который основывает свои результаты на материалах из государственного архива в Томске [6]. Подобные вопросы отражены и в работе А.И. Остроухова [15]. Условия содержания румынских военнопленных и их использование в качестве рабочей силы рассмотрены в статье Н. Лобко, В. Гузун, В. Власенко [34]. О повседневной истории, жизни и быте украинских военнопленных в лагерях Бессарабии, Румынии, Польши, Германии, Италии, Чехословакии рассказывает И.В. Срибняк [17–20; 31; 32]. Вопросы пребывания русинов на территории Украины и России освещают Н.В. Лобко [10], С.Г. Суляк [23; 24], Б.В. Колесников [9].

Практика взаимодействия местного населения Урала с иностранными пленными раскрыта в монографии Н.В. Суржиковой. В ней особое внимание уделяется политике центральных и местных властей в вопросе урегулирования жизни военнопленных и характерным особенностям использования их в качестве рабочей силы в указанном регионе [25].

В зарубежной историографии следует отметить серию работ В.М. Фика. В частности, в 4-м томе представлены данные о взаимосвязи чешских граждан с военными лидерами, находившимися в Сибири [29]. В исследовании Д. Вахи уделено внимание повседневной

деятельности военнопленных и легионеров, причинам вступления чехов и словаков в легион, формам досуга, особенностям взаимоотношений с местным населением [38; 39].

Особый интерес вызывают публикации И. Заблоудиловой, где она анализирует понятие «плен» в процессе изменения его значения в ходе Первой мировой войны, вскользь останавливаясь на положении чешских военнопленных в России [40]. Еще один чешский исследователь, К. Пихлик, описывает условия, при которых осуществлялось возвращение чешских и словацких военнопленных на родину [36].

Сведения о взаимодействии международного общества Красного Креста с военнопленными в России в период 1914–1918 гг. отражены в публикации Дж. Дэвиса [27]. Проблеме репатриации бывших военнопленных Австро-Венгрии и Германии уделено внимание в исследовательских работах Р. Нахтигалья, Г. Лейденгера и В. Моритца [33; 35].

Определенный научный интерес при изучении жизни и деятельности военнопленных вызывают дневники, воспоминания и мемуары участников тех событий – т. н. источники личного происхождения, которые были опубликованы через много лет после возвращения пленных домой. К примеру, работа О. Юрмана основана на воспоминаниях солдата Австро-Венгерской армии Франтишека Прудила, который после пленения побывал на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока [30].

Интересен по своему содержанию опубликованный дневник бывшего легионера Йозефа Зимы, где подробно освещаются повседневная жизнь и размышления свидетеля событий Первой мировой войны [41]. Аналогичной по контексту является работа известного политика Польши Фелициана Славой-Складовского, который в годы Первой мировой войны состоял на службе в качестве медицинского доктора [37]. Следует отметить книгу Ф. Эммерта, снабженную большим количеством фотодокументов, наглядно демонстрирующих повседневную жизнь солдат Первой мировой, преимущественно чехов и словаков, впоследствии вступивших в легион [28].

Источниками для данной статьи послужили архивные материалы, необходимость использования которых вызвана активно возрастающим интересом историков-исследователей, работающих в хронологических рамках установленного периода. В работе использованы материалы фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Государственного архива в Тобольске. К примеру, доклад членов делегации международного комитета Красного Креста, посетивших в 1915–1916 гг. лагеря военнопленных как в европейской части Российской империи, так и в Поволжье, на Урале,

в Сибири и Туркестане, подтверждает наличие проблем социально-бытового характера среди военнопленных, в т.ч. жалобы на качество доставок почтовой корреспонденции.

Научный интерес вызвал отчет представителей цензорской комиссии Омского военного округа за июнь-июль 1917 г., в приложении к которому сохранились переведенные на русский язык отрывки из писем австро-венгерских и германских пленных. Письма эти были адресованы как официальным, так и частным лицам.

Методологической основой исследования является историко-описательный метод, а также такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность и историзм, системность и конкретность изложения материала. Надеемся, что изучаемая личная корреспонденция, почтово-телеграфные сообщения, материалы военной цензуры, отчеты цензурной комиссии смогут расширить рамки ранее изученных вопросов об условиях содержания военнопленных в контексте повседневности.

Революционные потрясения в феврале 1917 г. активизировали интерес к политической и общественной жизни у австро-венгерских, германских и турецких военнопленных, которые были географически дислоцированы во внутренних губерниях России, на Урале, в Сибири и Средней Азии. Как утверждал А.Х. Клеванский, военнопленные «требовали улучшения своего материального положения, предоставления им гражданских и политических прав» [8: 60]. Представители Временного правительства продолжали вести прежнюю политику по отношению к вражеским пленным, временами даже более суровую. В частности, были усилены охранные функции, во главе стражи назначались офицеры, которые сами недавно вернулись из плена, вводилась процедура клеймения, ужесточались репрессивные меры за отказ от работ, неповиновение или побеги [8: 61].

Мировая общественность всячески старалась привлечь внимание к проблеме положения военнопленных. Определенную роль сыграли такие международные организации, как Комитет Красного Креста. Например, его представители Ф. Тормейер и доктор Ф. Феррьер-младший еще в конце 1915 – начале 1916 г. посетили лагеря военнопленных в России. По окончании своей миссии, вернувшись в Европу, они составили подробнейший доклад об увиденном в этих лагерях [26: 3–4].

Участники данной экспедиции отмечали ряд сложностей, которые тормозили отправку и доставку писем военнопленных, среди которых указываются огромные расстояния, недостаточность числа цензурных учреждений, несовершенства, связанные с регистрацией и учетом пленных на местах, их крайняя разбросанность на террито-

рии империи и частые переводы из одного лагеря в другой. Процесс цензурирования корреспонденции осложнялся из-за разнообразия языков, на которых говорили и писали военнопленные. Достаточно трудной задачей было сформировать штат цензоров, которые знали не только немецкий, английский и французский, но и польский, сербский, чешский, румынский, итальянский языки. Цензурные учреждения находились в Петрограде, Ташкенте и Омске. Очевидно, что данные центры фильтрации почтовых сообщений попросту не справлялись с тем наплывом корреспонденции, который имел место в том или ином регионе. Зачастую сами военнопленные жаловались представителям общественных организаций на недоставление и задержку при доставлении писем [26: 34–35].

В августе 1917 г. председателю Военной цензурной комиссии Омского военного округа был направлен рапорт капитана Павловского и поручика Новосельского. Согласно приказам, эти офицеры провели цензурирование корреспонденции австро-венгерских и германских военнопленных к их родственникам на родину. В целом только за июль они процензурировали 402 036 почтово-телеграфных отправок, в т. ч. 391 464 открытых и 10 582 закрытых. По сведениям цензоров, на основании официальной телеграммы Главного управления Генштаба от 12 июля 1917 г. за № 29152 они просмотрели более миллиона внутренних телеграмм за июнь-июль 1917 г. При этом в цензорском штате состояло 24 цензора и 32 переводчика [2: 7]. Таким образом, объем проведенных работ впечатлял своей грандиозностью. В процессе реализации процедуры цензурирования офицеры градируют всю документацию по ряду характеристик: личного, семейного и делового характера [2: 2]. Параллельно они выделяли направления и содержательную сторону писем по политическим и бытовым мотивам. Соответственно, цензоры актуализировали наличие писем, которые военнопленные отправляли в действующую армию своим солдатам и российским пленным, находившимся в неволе у австро-венгров и германцев. Офицерам удалось провести определенную работу по цензурированию ответных писем, отправленных австро-венгерским и германским военнопленным. На основании осуществленной выборки авторы рапорта выявили основные моменты, которые с определенной частотностью встречались в письмах.

Содержательную часть писем военнопленных как источников по изучению условий содержания и пребывания в плену условно можно разделить на следующие группы: 1) реакция на политические события, военные успехи той или иной воюющей стороны, отношение к русскому населению; 2) противоречивые свидетельства об экономическом положении военнопленных; 3) многочисленные жалобы, сведения

об эмоциональном состоянии пленных; 4) размышления отдельных лиц о желании остаться жить в России.

Прежде всего, остановим внимание на политических составляющих, выявленных в документации. Военнопленные проявляли неподдельный интерес к происходившим в России событиям. Русская революция 1917 г. заставила пленных призадуматься о ее сути и значении для будущего государства. В одном из писем приводится интересное выражение: «Русский народ, привыкший жить под кнутом, недостоин добытой свободы» [2: 12]. Данное выражение – это не попытка задеть чувства русского человека, скорее это мнение одного из многих военнопленных, который отражает личное отношение к результатам и последствиям революции для определенных социальных групп.

Военнопленных впечатляли и успехи германской армии летом 1917 г. В качестве подтверждения высказанного предположения цензоры приводили строчку из письма одного немецкого пленного: «Пожалуй, к зиме Петроград снова станет Петербургом. Во всяком случае, медведь (Россия) опасно заболел и скоро должен умереть» [2: 2].

Составители рапорта озвучивали мысль, что на проблему ведения военных действий военнопленные обращали косвенное внимание. Собственно, пленных интересовали не столько сюжетные аспекты конкретных батальей, сколько результаты военного противостояния враждебных сторон и их дальнейшая судьба. В некоторых письмах чувствуется обида военнопленных. В частности, в качестве подтверждения коллективного мнения цензоры привели такие слова: «Нас отправили в окопы как парламентариев, а русские не осмыслили братания и поступили с нами как с военнопленными» [2: 2].

Параллельно команда цензоров провела анализ писем, которые отправлялись российским пленным, и ответные сообщения. По мнению аналитиков, почтовая переписка исследуемого хронологического периода кардинально не отличалась от подобной почты раннего периода. Обращалось внимание на следующую эмоциональную фразу русского военнопленного: «Мы можем гордиться, что мы русские. Все народы снимут перед нами шапки» [2: 5]. Таким образом, констатировался факт всеобщей гордости за действия русской армии в военный период. Следует отметить, что весной – летом 1917 г. русская армия по морально-боевым качествам существенно уступала предшествующему периоду 1915–1916 гг.

Цензоры акцентировали внимание на моральном настрое российских военнопленных, которые, по их мнению, политически ориентировались на союз с радикальными движениями: «Из плена агитируют за партию социал-революционеров, уверяя, что в их лагере все социа-

листы-революционеры. Русские военнопленные заявляли следующее: «По приезду домой сами начнем в России войну с богачами» [2: 5].

Возвращаясь к проблеме иностранных военнопленных, следует подчеркнуть, что аналитики отмечали содержательную направленность многих писем, ориентированных на поиски методов завершения войны. Цензоры апеллировали к письмам, в которых отмечался факт проведения интернациональной социалистической конференции в Стокгольме. Ожидания пленных от этой конференции выражались следующим образом: «Многие страдающие протестуют против каких-либо ограничений прав военнопленных; это рабство стало невыносимым, пора кончать кровавую бойню» [2: 2].

В одном из писем на имя австрийского министра иностранных дел Оттокара Чернина пленный офицер отмечал «только справедливым или обменять, или отправить в нейтральные штаты отцов семейств, уже пробывших в плену два года» [2: 3].

В этой же группе научный интерес вызывают письма чешских пленных, в силу близости языка и культуры дружелюбно относившихся к местному населению. Отмечались желание и энтузиазм чехов относительно вступления в добровольческий отряд. Чехи и словаки внимательно следили за событиями, происходившими на их родине. Встречались и такие письма, в эмоциональных строчках которых чешские авторы описывали свое желание сбежать в Чехию и погибнуть на ее территории за национальную свободу.

Следует отметить удовлетворительное отношение военнопленных к надзирающему составу: «...не враги, а братья, и от нас больше не требуют отдания чести». Характерно отметить факт анализа военнопленными в своих письмах поведения русских офицеров. Например, многие были довольны последними, но не завидовали их положению: «Хотя они и на свободе (офицеры), но отказались бы поменяться с ними ролями» [2: 3].

Следующая группа сведений, полученных в результате анализа писем, весьма противоречива и затрагивает экономическое положение и финансовое состояние пленных. На основании проштудированной корреспонденции офицеры-цензоры проанализировали экономическую ситуацию во враждебных России государствах. Экономическое положение неприятельских стран характеризовалось как тяжелое. В качестве подтверждения приводились строки итальянского солдата, который резюмировал ситуацию в этих странах: «Женщины и дети днем и ночью выходят на площади и, рыдая, умоляют дать хлеба для детей» [2: 3]. В рапорте отмечался факт нежелания многих военнопленных принимать посылки и денежные переводы от своих родственников и домочадцев из-за бедственного положения населения

на их этнической родине: «Считаю себя не вправе отнимать что-либо от семьи (и страны), когда все так вздорожало и остро чувствуется недостаток во всем» [2: 3].

Пленные в меру своих возможностей сохраняли заинтересованность в информированности о состоянии семей. В частности, в рапорте говорится о письме австрийского солдата, выражавшего радость по поводу отмены в Австрии хлебных карточек [2: 3].

Цензоры обратили внимание на информативное содержание писем военнопленных, которые оценивали свой социальный статус и имущественное положение в России. Так, цензоры отмечали удовлетворенность квалифицированных рабочих своей заработной платой. Они подчеркивали эмоциональный подъем рабочих вследствие их обеспечения питанием. Вот что они выделяли в письмах: «...молока, яиц, масла никогда столько не видали у себя за столом, как сейчас» [2: 3]. Находившийся в плену в Тюмени офицер Новотный так описывал свое положение: «Моего жалования мне вполне хватает. Пища по качеству и количеству соответствует мирному времени. Словом, время проходит точно как в Чехии, только не хватает обычного занятия» [2: 8]. Таким образом, возникает вопрос относительно условий содержания в плену: зависели ли они от региона и его экономического состояния или же были обусловлены льготами и послаблениями по национальному признаку?

Следует отметить, что находившиеся в плену офицеры и солдаты старались самоорганизоваться в устойчивые коллективы для разрешения повседневных проблем. Например, как это явно видно в одном из писем, в Тюмени функционировал представленный австрийскими фельдфебелями комитет, которым руководил старший врач. На комитет возлагалось заведование продовольственным хозяйством всех военнопленных Тюмени численностью 370 чел. [2: 9].

Наиболее объемными по содержанию являлись жалобы как на материальное положение, так и на эмоциональное состояние военнопленных. В качестве подтверждения цензоры приводили многочисленные выдержки из писем: «С тех пор как новое правительство дало обещание больше заботиться о нас, стало далеко хуже, можно только удивляться, что мы до сих пор не воспользовались веревкой» [2: 4]. Фактически авторы этих строк были склонны к суициду. «Мы обносились и походим на бродяг-оборванцев, а не на солдат великой армии» [2: 4]. «На работах у крестьян помещения первобытны, пища примитивна. Мы работаем с раннего утра до позднего вечера, спим мало, питаемся скудно, а заработной платы не хватает и на табак». Причем жалобы на нехватку курительного табака встречались довольно часто. Например, приводится в рапорте следующая

выдержка: «Табаку нет, курим сушеные листья картофеля» [2: 4]. Некто Фольфган Седлачек, находившийся в плену в Петропавловске (современный город на севере Казахстана), в своем письме Ганне Угейнер в Линц пишет: «Вместо табака курим сушенные картофельные листья» [2: 10]. Обер-лейтенант Шнаубельт, который находился в плену в Акмолинске (ныне г. Нур-Султан, Казахстан), в письме к Анне Шнаубельт в Австрию утверждал буквально следующее: «О, Боже, с курением прямо несчастье, я не выдержу... Теперь я курю уже более недели смесь из соломы, корешков от табачных листьев и фабричные табачные отброски, то есть отброски последнего сорта, в которых мертвые паразиты и кал от кошек и мышей, запах вполне отвечает вышеуказанному составу» [2: 10].

Помимо этого, находившиеся на сельскохозяйственных работах военнопленные отмечали крайне устаревшее состояние орудий труда. «Да и тяжела работа земледельческими орудиями, которым давно место в музее, а не в поле», – сообщается в одном из писем [2: 4].

Итак, военнопленные высказывали возмущение своим социально-экономическим положением. Их не удовлетворяло буквально все: некачественное питание, низкая заработная плата, дефицит табачных изделий, длительность плена, нерациональный рабочий день. Обращает на себя внимание тот аспект, что психологически многие из них оказались не готовы к длительному заключению и находились в состоянии морального надлома. Следует отметить, что для преодоления подобного состояния многие военнопленные стремились вступить в брак с местными уроженками и создать семью. В определенной мере в данном социальном сюжете проявляется менталитет европейцев-католиков начала XX в., ориентированных на сохранение семейных ценностей и достижение равного с окружающими социального статуса.

Незавидным было и положение военнопленных-офицеров. Так, например, пленные офицеры в сибирском городе Таре отмечали низкое жалование и голод, которому они подвергались. Один из них сравнил свое «сибирское сидение» с ситуацией в пересыльном лагере в Перемышле: «Порцион хлеба урезан, сахара нет. Мы уже давно стали вегетарианцами, а огородничество – наше вынужденное любимое занятие» [2: 4].

Наиболее страшным для многих из них стало моральное опустошение в условиях пребывания в плену. В своих письмах военнопленные офицеры, получившие до войны образование, писали следующее: «От этой жизни здесь забываешь все, что раньше умел и знал. Тупеешь окончательно. Если вернемся домой, то бывать в обществе не в состоянии, нервы крайне расстроены, и мы стали грубы, как звери.

Я арестован как свидетель пощечины, данной нашим товарищем русскому. Тяжело три года в плену, как в клещах, и нет надежды на освобождение. Были случаи, когда, отчаявшись дожидаться мира и возврата на родину, офицеры решались на самоубийство» [2: 4–5]. Австрийский офицер Вальтер Этерф в своем письме к некой Дузи отмечает, что никто, кроме них самих, не в состоянии передать, каково это – быть в плену, их жизнь, мысли, переживания [2: 8].

Военнопленные надеялись на помощь общественных организаций, таких как Красный Крест и другие подобные учреждения. Так, например, военнопленный из Мариинска Натан Эрдели в своем письме в Бюро попечения о военнопленных в Вене к принцессе де Крой выражал благодарность от лица всех находившихся в Мариинске пленных офицеров и сообщал, что у них «нет места каким-либо жалобам» [2: 8]. Вероятно, под принцессой де Крой имелась в виду Изабелла Австрийская (Изабелла фон Круа), которая добровольно возложила на себя обязанности медсестры в годы Первой мировой войны.

Еще одно из таких обществ помощи германским и австрийским военнопленным было расквартировано в китайской провинции Тяньцзинь [2: 4]. По наблюдениям военнопленных, из-за отдаленности от мест заключения оно оказалось не в состоянии их субсидировать в достаточной мере. Поэтому ограниченная ссудная помощь доставлялась только больным. Пленные выступали с критическими замечаниями по поводу некачественной работы российской почты. В одном из писем прозвучало следующее: «Все русские страдают клептоманией, отсюда понятно расхищение посылок» [2: 5].

Фиксировались жалобы в адрес банков, почтовых служб и других организаций, которые задерживали выплату денежных переводов. Отчаявшиеся военнопленные для обеспечения гарантии доставки своих писем домочадцам предлагали делать надпись «ценное» на количество рублей, без фактического вложения денег [2: 5].

Одним из немногих положительных моментов в жизни заключенных являлось занятие спортом. В одном из писем военнопленного из лагеря в Сретенске в офицерский лагерь в Томске к некому Лови Надору сообщалось об увлечении офицерами спортом и проводимых соревнованиях. Итоги одного из матчей подводились следующим образом: «В футболе, как и во всех других случаях спорта, победителями остались венгры» [2: 9].

Возвращаясь к проблемам военнопленных, следует отметить, что в письмах регистрируются факты издевательств над заключенными со стороны русских конвоиров. Так, в одном из писем из Петропавловска к Ивану Кшемеку в Саратовскую губернию содержится информация о наказаниях со стороны русских: «Ставили нас всех 40 человек на

10 часов с мешками по 1 пуду 28 футам на плечах. Это был песок, и ты можешь представить, как было тяжело и неудобно. Вместо ружья в руки давалась метла, и при всем этом русская отборная брань с утешением нас: "Ничего, австрийская сволочь все выдержит"». Далее в письме сообщается о плохом качестве медицинского обслуживания: «Если заболеет кто из нас, лучше и не показываться врачу, лечить не будет, а стыдить станет сколько угодно: "Не ходил бы в плен, а пришел – так терпи", – вот его рецепт», – пишет автор письма. «Да лучше было бы умереть на поле брани, чем идти к братьям русским "в плен". Не поняли они нас и не поймут никогда», – заключает отправитель [2: 9–10].

Один из авторов подобных писем, некто по фамилии Седлачек, утверждал следующее: «За деньги совершенно ничего получить нельзя». Далее он продолжал: «...кроме тропической жары, ледяных ночей и некультурного замешательства кругом, ничего не встречается» [2: 10].

Тяжесть плена, выражавшаяся в физических перегрузках и напряженном ожидании грядущего обмена, со всей очевидностью нашла эмоциональное отражение в строчках автора из Ялаторовска: «Содержание нашей здешней жизни можно выразить следующими словами: питаемся для того, чтобы спать, и спим для того, чтобы питаться. Наступает апатия и нервное состояние вследствие безработицы», – сообщается в письме [2: 10].

Физические издевательства, низкая материальная обеспеченность, отсутствие стабильной работы и постоянного заработка – все это, возможно, подстегивало пленных к побегам из-под стражи. Так, например, в фондах управления Тобольской уездно-городской советской рабоче-крестьянской милиции сохранилось определенное количество документов – т. н. списки бежавших военнопленных, где указывались их персональные данные и приметы. Начальник разведывательного отделения Омского военного округа весной и летом 1917 г. рассылал распоряжения по поимке бежавших из плена.

В одном из подобных распоряжений, датированных апрелем 1917 г., встречаются сведения о Владимире Вуйчеке, австрийском подданном, русине по национальности, который служил младшим унтер-офицером 4-го артиллерийского полка [3: 60 об.]. В характеристике указывалось, что он католик по вероисповеданию, а также описывались его приметы («среднего роста, говорит порусски») и одежда («пиджак и фуражка черного цвета, фуфайка и штаны защитные, австрийские штиблеты»). Всего в этом списке зафиксировано 37 чел., из которых в графе «национальность» указано 12 австрийцев, 11 чехов, 3 венгра, 3 поляка, 2 румына. Помимо этого,

два человека записаны как «австрийцы, уроженцы Буковины», один как немец, один как цыган, указанный выше – русин, и один человек указан без национальности [3: 60–60 об.].

Некоторые исследователи, занимающиеся историей военнопленных, отмечают ряд характерных закономерностей в деле учета и систематизации пленных по их национальному признаку. Этническая принадлежность и имена самих военнопленных обычно записывались с их собственных слов, и часто венгерские словаки или румыны называли себя или венграми, или русинами, а поляки и словенцы могли назвать себя австрийцами [9: 222; 14: 148]. Следует обратить внимание, что, когда речь идет об австро-венгерских пленных, представители лагерей, ответственные за учет, могли указать подданство вместо национальности. Таким образом, запись «австриец» в личной карточке пленного могла указывать на его гражданство, а по национальности он мог быть представителем одного из этносов, населявших эту империю, будь то австрийский немец, венгр, чех, еврей, румын, цыган, русин и т.д. Вполне вероятно, что в некоторых архивных списках русины могли быть записаны как украинцы, однако такое возможно было в документах, относящихся к периоду после Февральской революции, когда малороссов официально стали называть украинцами. Принадлежность русинов к украинскому народу в качестве субэтноса и их этническая идентичность являются предметом широких научных дискуссий. Существуют мнения об украинской идентичности, «польском проекте» и «русофильском» направлении в вопросе этнической принадлежности русинов [11: 87; 12: 128; 13: 115–117; 21: 198]. Следует отметить, что зачастую персональные данные иностранцев (имена, фамилии, место рождения) при постановке на учет могли быть либо записаны человеком, не владевшим языком военнопленного, либо переписаны с австрийских документов, где зачастую славянские имена и фамилии указаны были в искаженном виде [22: 106].

В сохранившемся списке беглецов, который датирован 21 апреля 1917 г., указано 97 чел., в основной массе зафиксированных как австрийцы – 32, еще у 26 чел. отсутствует запись о национальной принадлежности. Далее следуют венгры – 12 чел., русины – 8, чехи – 7, поляки – 3, словаки – 2, немцы – 2, по одному представителю турков, сербов и цыган. Еще два человека записаны как австрийцы, но с пометкой, что первый, некто по имени Алекса, – уроженец Восточной Галиции, а второй, Иван Лупа, – уроженец Буковины. Данный факт подтверждает мысль о том, что под «австрийцами» имеется в виду подданство, а регион, где они родились, косвенно может указывать на то, что Алекса и Лупа были русинами по национальности. В числе

русинов значатся рядовые 10-го и 24-го пехотных полков Федор Жмурко и Клемент Альбота. Также отмечены Захарий Минделевский, Михаил Лобецкий, Василий Сенчак, Дрогоник Домитро, Юра Куцина, Иоган Сивец [3: 98–100].

Еще в одном подобном списке от 28 апреля 1917 г. среди 93 беглецов фигурируют 41 австриец, 4 немца, 9 русинов, 8 венгров, 6 чехов, 5 поляков, 8 румынов, 2 словака, по одному хорвату, еврею и сербу и еще 7 чел., национальность которых не указана. Среди русинов значатся 22-летний Антон Кодлец, некий Федор 33 лет и Петр 42 лет, фамилии которых из-за плохой сохранности архивного документа не поддаются прочтению. Более полные сведения имеются о Метро Дольни (вероятнее всего, Дмитро Дольний). В частности, известно, что ему было 36 лет и он проходил службу в 35-м ландверном полку, русин по национальности, приверженец греко-католической церкви, на момент побега был одет в шапку и пиджак черного цвета, брюки желтого цвета, обут в австрийские штиблеты. В качестве примет указано, что имеет сухощовое телосложение, среднего роста и говорит по-русски. Также среди русинов значились Михаил Скобель, Ян Кова, Василий Магдалин, Николай Дорош и Винцман Буковский [3: 66–67 об.].

В списке от 6 июля 1917 г. бежавших 108 чел. указаны 41 австриец, 10 венгров, 17 чехов, 8 русинов, 4 немца, 4 словака, 4 поляка, 3 турка, 2 румына, 1 серб, 1 еврей, 1 хорват, у 12 чел. национальность не указана. В частности, из числа русинов зафиксированы младший унтер-офицер 89-го пехотного австрийского полка Петро Стрыданюк, рядовой 41-го пехотного полка Иван Загорюк, рядовой 18-го ландверского полка Дорофей Слеветюк, а также Стефан Самнин, Иван Гушнак, Василий Жидак, Василий Малиновский и Иосиф Ваадурш [3: 101–103].

В списке австрийских военнопленных, составленном в более поздний период, указано, что на территории Тобольской губернии в 1920 г. оставались представители русинов: уроженец Пшеворска Антон Шляхта [4: 155 об.], уроженец Дрогобича Илья Федоров [4: 158 об.], уроженец Самбора Михаил Малецкий [4: 158 об.], уроженец Станиславова (ныне г. Ивано-Франковск) Владимир Вишинский [4: 159 об.] и Иосиф Токач из Унгвара (ныне г. Ужгород) [4: 160 об.].

Объективно установить количественный состав по подобным спискам весьма затруднительная задача, т. к. у многих пленных, как уже было сказано выше, не имелось сведений о национальности, вероятнее всего, иногда вместо национальности составители этих списков чаще указывали подданство. Однако следует отметить частые случаи побега из плена не только среди представителей титульных наций Австро-Венгерской монархии, но и среди представителей славянских народов, населявших территорию этого государства и

являвшихся ее подданными. Мотивом для побега могло быть как тяжелое финансовое положение, так и физическое и психологическое истощение во время нахождения в плену. В письме находившегося в плену в Петропавловске военнопленного офицера Теодора, адресованном Юлии Гладких в Моравию, прослеживаются нравственное и моральное опустошение, апатия и подавленное настроение многих военнопленных: «В часы внутреннего разлада и сомнений грустные мысли встают передо мною вереницей. Уж третий год томимся мы здесь взаперти. Страдаем нравственно и физически. Зачем шальная пуля не убила меня? Или почему тот самый казак, когда я голодный и бессильный отстал от своего отряда, сразу не отделался от меня? Ведь так легко ему было это сделать, вместо того чтобы самому идти пешком в течение нескольких дней и ухаживать за мной, как за родным» [2: 10–11]. В этом письме, равно как и в ряде других, отражаются негативные умонастроения пленных.

Вероятно, большинство военнопленных испытывали подобные чувства под влиянием длительного стресса. Поэтому для скорейшего освобождения из плена представители из их среды пытались оказывать давление на властные структуры путем проведения переговоров. В подтверждение данной мысли приведем отрывок из письма офицера Оскара Немеца из Томска к министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Оттокару Чернину, в котором автор ходатайствовал об издании распоряжения о необходимости обмена или отправки в нейтральные страны пребывавших в двухгодичном плену военнопленных – глав семейств: «Мы бродим, как живые трупы. Если Ваше превосходительство не считает это справедливым, то пошлите кого-нибудь на два года в плен, и пусть он сделает Вам доклад» [2: 11].

Французское правительство инициировало подобное распоряжение об обмене пленными. В исследованных письмах военнопленных содержится информация об условиях этого обмена. В одном из обнаруженных писем изложены предполагаемые пункты обмена:

- все солдаты старше 48 лет;
- солдаты старше 40 лет, имеющие трех и более детей;
- те, кто находятся в плену дольше 18 месяцев.

«Офицеры должны быть переведены в какое-либо нейтральное государство. Мы надеемся, что из этого все-таки что-либо получится», – делился своими мыслями автор письма, отправленного из Акмолинска в Венгрию [2: 11].

Таким образом, письма военнопленных отражают их пессимизм, моральное опустошение, разочарование в окружающем мире и страстное желание скорейшего завершения войны. Подобные настроения прослеживаются в письме гражданина О. Гаазе в Германию

к Анне Кертинг: «Здесь все хуже и хуже, пора для них закончить войну. Много свободы – много лени. Граждане целыми днями сидят на улице и заплевывают шелухой от подсолнечных семян прохожих (особый спорт), все тротуары покрыты толстым слоем – ходишь как по ковру» [2: 11–12].

Очень редко все же встречаются письма, в которых авторы заявляли о своем намерении остаться в России. Интересный пример привели цензоры о реакции австрийских солдат на известные постановления Совета молодых женщин в Вене, которые отказались выходить замуж за своих сограждан, попавших в плен. Эмоции австрийских военнопленных характеризовались следующим образом: «Мы буквально хохотали до упада. Пока мы в России – недостатка в женщинах не чувствуем» [2: 4]. Еще более явное желание высказал находившийся в плену в селении Боровом Кокчетавского уезда Вацлав Винш в своем письме к Аничке Веселой в Чехию, где он констатировал благожелательные настроения военнопленных: «...хотели бы остаться здесь навсегда. Часто мне приходит на ум, чтобы и ты приехала сюда» [2: 9].

Таким образом, проблема пребывания австро-венгерских и германских военнопленных в России сохраняет свою актуальность. Письма военнопленных содержат научные данные, необходимые для понимания их духовно-нравственного состояния и внутренних убеждений, политических умонастроений, идеологических установок в условиях плена. Обращение к письменным материалам в определенной мере позволяет смоделировать повседневную жизнь, быт и деятельность военнопленных, прочувствовать их переживания и мысли в реалиях сложившейся ситуации. Архивные письма, отчеты и рапорты представителей цензурной комиссии способствуют пониманию условий жизни солдат и офицеров в плену, информируют о таких аспектах, как состояние здоровья, бодрость или упадок духа, обеспечение питанием, продовольствием, одеждой и товарами первой необходимости.

Помимо этого, отмечаются осведомленность пленников о политической и экономической ситуации в Европе, их надежды на скорейшее освобождение и возвращение на родину. Особняком стоят аспекты, освещающие взаимоотношения с лагерной администрацией и между самими военнопленными, подтверждаются бытовые и межнациональные конфликты, имевшие место в среде данной категории лиц.

Научный интерес также вызывают вопросы, связанные с культурной составляющей пребывания в плену, организацией досуга и спортивных мероприятий.

Рассмотренная нами корреспонденция, наряду с воспоминаниями и мемуарами, является составной частью комплекса исторических источников, называемых источниками личного происхождения.

Последовательное изучение этого вида источников в перспективе должно благотворно сказаться на понимании истории повседневности изучаемого хронологического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. 133 с.

2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в Тобольске» (далее ГБУТО ГА в Тобольске). Ф. И-722. Оп. 1. Д. 130. Рапорты председателя Военно-цензурной комиссии Омского военного округа о военной цензуре, об условиях содержания военнопленных. 1917 г.

3. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 2. Циркуляры начальника разведывательного отделения при Штабе Омского военного округа о розыске бежавших из-под надзора военнопленных. 1917 г.

4. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 30. Списки беженцев, военнопленных и военнообязанных. 1920 г.

5. *Драгомирецкий В.С.* Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928. 219 с.

6. *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.

7. *Каржанский Н.С.* Чехословаки в России: По неизданным официальным документам. М.: 1918. 95 с.

8. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 397 с.

9. *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других славян в 1916–1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // Русин. 2018. № 51. С. 291–232. DOI: 10.17223/18572685/51/14

10. *Лобко Н.В.* Военнопленные русины в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны // Русин. 2019. № 55. С. 149–168. DOI: 10.17223/18572685/55/10

11. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 49. С. 85–100. DOI: 10.17223/18572685/49/6

12. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 42. С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10

13. *Наумова Н.И.* Проблема единства славян и общественность Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 гг. // Русин. 2019. Т. 58. С. 113–126. DOI: 10.17223/18572685/58/8

14. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // QUAESTIO ROSSICA. 2014. № 1. С. 142–156.

15. *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 185 с.
16. *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в русском общественном мнении в период Первой мировой войны (1914 – октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.
17. *Срібняк І.В.* Національно-патріотична та спортивно-оздоровча мобілізація вояцтва у таборі інтернованих військ УНР Стшалково (Польща) у 1921–1922 рр.: форми і методи // *Идеология и политика*. 2018. № 2 (10). С. 131–146.
18. *Срібняк І.В.* Повсякдення полонених старшин-українців у таборі Касціно, Італія очима ілюстраторів таборових видань (1919 – перша половина 1920 р.) // *Text and Image: Essential problems in Art history*. 2019. № 2 (8). С. 116–139. DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07
19. *Срібняк І.В.* Табір полонених вояків-українців Російської армії Раштат, Німеччина у 1916–1917 рр. (Мовою фотодокументів) // *Європейські історичні студії*. 2019. № 14. С. 114–146. DOI: <http://doi.org/10.17721/2524-048X.2019.14.114-146>
20. *Срібняк І.В.* Українці в Бессарабії і Румунії, 1921–1923 рр. (Таборове та позатаборове повсякдення інтернованих вояків армії УНР) // *Русин*. 2017. № 49. С. 122–136. DOI: 10.17223/18572685/49/8
21. *Суляк С.Г.* «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // *Русин*. 2019. № 57. С. 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12
22. *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
23. *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6
24. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
25. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 426 с.
26. ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 427. Доклад Ф. Тормейера и доктора Ф. Феррье-младшего (членов делегации Международного комитета Красного Креста) об их посещении лагерей военнопленных в России (октябрь 1915 г. – февраль 1916 г.).
27. *Davis Gerald H.* National Red Cross societies and prisoners of war in Russia, 1914–1918 // *Journal of Contemporary History*. 1993. Vol. 28, № 1. P. 31–52. DOI: 10.1177/002200949302800103
28. *Emmert Frantisek.* Českoslovenští legionáři za první světové války. Praha: Mladá fronta, 2014. 120 p.
29. *Fic Victor Miroslav.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. IV.díl. Brno: Stilus Press, 2014. 512 p.
30. *Jurman Olin.* Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku. Praha: Brána, 2016. 176 p.
31. *Krotofil M., Sribnyak I., Sribniak M.* Activity of the UNR Military and Sanitary

Mission on prisoners of war affairs in Germany (1919) // SKHID. 2019. № 4 (162). P. 47–52. DOI: 10.21847/1728-9343.2019.4(162).177252

32. *Krotofil M., Sribnyak I.* Activity of schools and educational courses for soldiers of the Ukrainian Galician Army interned in Czechoslovakia as a form of their socialization (1919–1920) // SKHID. 2018. № 6 (158). P. 58–62. DOI: [https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6\(158\).154914](https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6(158).154914)

33. *Leidinger Hannes, Moritz Verena.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien: Böhlau Verlag/Wien, 2003. 754 s.

34. *Lobko N., Guzun V., Vlasenko V.* Romanian prisoners of war Lebedin county of Kharkiv province during World War I // *Analele Universității din Craiova. Istorie.* Anul XXII. 2017. № 2 (32). P. 53–66.

35. *Nachtigal R.* The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // *Immigrants & Minorities.* 2008. Vol. 26, is. 1–2. P. 157–184.

36. *Pichlik Karel.* K otázce navrátilců y ruského zajetí. // *Historie a vojenství.* 1962. Vol. 1. P. 92–98.

37. *Składkowski Felicjan Sławoj.* Moja służba w Brygadzie. Pamiętnik polowy. Warszawa: Bellona, 1936. 432 p.

38. *Vácha D.* Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918. Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2015. 336 p.

39. *Vácha D.* Ostrovy v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920). Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2016. 440 p.

40. *Zabloudilova J.* V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918). Praha: EPOCH, 2018. 264 p.

41. *Zima Josef.* Zima v Rusku. Zápisky českého legionáře. Praha: Omnibooks, 2013. 104 p.

REFERENCES

1. Vasilieva, S.N. (1999) *Voennoplennyye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy vojny* [Prisoners of war in Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University.

2. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1917a) *Raporty predsedatelya Voennno-tsenzurnoy komissii Omskogo voennogo okruga o voennoy tsenzure, ob usloviyakh soderzhaniya voennoplennyykh* [Reports of the Chairman of the Military Censorship Commission of the Omsk Military District on military censorship, detention conditions of prisoners of war]. Fund I-722. List 1. File 130.

3. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1917b) *Tsirkulyary nachal'nika razvedyvatel'nogo otdeleniya pri Shtabe Omskogo voennogo okruga o rozyske bezhavshikh iz-pod nadzora voennoplennyykh* [Circulars of the head of the intelligence department at the Headquarters of the Omsk Military District on the search for prisoners of war who have escaped from surveillance]. Fund R-272. List 3. File 2.

4. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1920) *Spiski bezhen-tsev, voennoplennykh i voennoobyazannykh. 1920 g.* [Lists of refugees, prisoners of war and persons liable for military service]. Fund R-272. List 3. File 30.

5. Dragomiretsky, V.S. (1928) *Chekhoslovaki v Rossii* [Czech and Slovaks in Russia. 1914–1920]. Paris; Prague: [s.n].

6. Eremin, I.A. (2007) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri* [Prisoners of World War I in West Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 310(1). pp. 259–263.

7. Karzhansky, N.S. (1918) *Chekhoslovaki v Rossii: Po neizdannym ofitsial'nym dokumentam* [Czech and Slovaks in Russia: According to unpublished official documents]. Moscow: Zmiy.

8. Klevansky, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii (1914–1922 gg.)* [Czechoslovak internationalists and the sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia (1914–1922)]. Moscow: Nauka.

9. Kolesnikov, B.V. (2018) The situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in 1916–1917 (a case study of Kamyshin State Forest Nursery). *Rusin*. 1. pp. 291–232. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/14

10. Lobko, N.V. (2019) Rusin prisoners of war in the Lebedin district of Kharkov province during World War I. *Rusin*. 55. pp. 149–168. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/10

11. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovyeva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the formation of the Carpatho-Russian military units in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 49. pp. 85–100. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/49/6

12. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and the national and political identification of Rusins in 1914–1920. *Rusin*. 42. pp. 126–142. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/42/10

13. Naumova, N.I. (2019) Slav unity and Siberian society during the Civil War. 1918–1919. *Rusin*. 58. pp. 113–126. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/8

14. Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *QUAESTIO ROSSICA*. 1. pp. 142–156. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

15. Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czech and Slovakian prisoners of war in Russia during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

16. Savvaitova, M.D. (1993) *Cheshskiy vopros v russkom obshchestvennom mnenii v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – oktyabr' 1917 goda)* [The Czech question in Russian public opinion during the First World War (1914 – October 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

17. Sribnyak, I.V. (2018) National-patriotic and sports-health mobilization of the army in the UNR internment camp in Strzalkow (Poland) in 1921–1922: forms and methods. *Ideologiya i politika – Ideology and politics*. 2(10). pp. 131–146. (In Ukrainian).

18. Sribnyak, I.V. (2019) Visualization of the Daily Life of Prisoner Ukrainian

Officers in the Camp of Cassino (Italy) Through the Eyes of Illustrators of the Camp Editions, 1919 – first half of 1920. *Text and Image: Essential Problems in Art History*. 2(8). pp. 116–139. (In Ukrainian). DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07

19. Sribnyak, I.V. (2019) The Camp for Ukrainian Prisoners of War of the Russian Army in Rastatt, Germany (1916–1918) according to photo-documents. *European Historical Studies*. 14. pp. 114–146. (In Ukrainian). DOI: <http://doi.org/10.17721/2524-048X.2019.14.114-146>

20. Sribnyak, I.V. (2017) Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921–23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp). *Rusin*. 49. pp. 122–136. (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/49/8

21. Sulyak, S.G. (2019) Journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” as an important source on the history of Subcarpathian Rus in the inter-war period. *Rusin*. 57. pp. 195–229. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12

22. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: The Question of Numbers. *Rusin*. 1(39). pp. 95–115. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

23. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2(44). pp. 73–92. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

24. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65. (In Russian).

25. Surzhikova, N.V. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian province (1914–1922)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

26. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). (1915–1916) *Doklad F. Tormeyera i doktora F. Ferrera-mladshego (chlenov delegatsii Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta) ob ikh poseshchenii lagerey voennoplennykh v Rossii (oktyabr' 1915 g. – fevral' 1916 g.)* [Report by F. Tormeyer and Dr. F. Ferrier, Jr. (members of the delegation of the Red Cross International Committee) about their visit to the prisoner of war camps in Russia]. Fund 1629. List 1. File 427.

27. Davis, G.H. (1993) National Red Cross societies and prisoners of war in Russia, 1914–1918. *Journal of Contemporary History*. 28(1). pp. 31–52. DOI: 10.1177/002200949302800103

28. Emmert, F. (2014) *Českoslovenští legionáři za první světové války* [Czechoslovak legionaries during the First World War]. Prague: Mladá fronta.

29. Fic, V.M. (2014) *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918* [Czechoslovak Legion in Russia and the struggle for Czechoslovakia 1914–1918]. Brno: Stilus Press.

30. Jurman, O. (2016) *Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku* [Legionary Odyssey. From Bohemia to Vladivostok]. Prague: Brána.

31. Krotofil, M., Sribnyak, I. & Sribniak, M. (2019) Activity of the UNR Military and Sanitary Mission on prisoners of war affairs in Germany (1919). *SKHID*. 4(162). pp. 47–52. DOI: 10.21847/1728-9343.2019.4(162).177252

32. Krotofil, M. & Sribnyak, I. (2018) Activity of schools and educational

courses for soldiers of the Ukrainian Galician Army interned in Czechoslovakia as a form of their socialization (1919–1920). *SKHID*. 6(158). pp. 58–62. DOI: [https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6\(158\).154914](https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6(158).154914)

33. Leidinger, H. & Moritz, V. (2003) *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920* [Captivity, Revolution, Homecoming: The Importance of Prisoner of War Problems for the History of Communism in Central and Eastern Europe 1917–1920]. Vienna: Böhlau Verlag/Wien.

34. Lobko, N., Guzun, V. & Vlasenko, V. (2017) Romanian prisoners of war in Lebedin county of Kharkiv Province during World War I. *Analele Universității din Craiova. Istorie*. 2(32). pp. 53–66.

35. Nachtigal, R. (2008) The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–1922. *Immigrants & Minorities*. 26(1–2). pp. 157–184. DOI: 10.1080/02619280802442662

36. Pichlik, K. (1962) K otázce navrátilců y ruského zajetí. *Historie a vojenství*. 1. pp. 92–98.

37. Składkowski, F.S. (1936) *Moja służba w Brygadzie. Pamiętnik polowy* [My service at the Brigade. Field diary]. Warsaw: Bellona.

38. Vácha, D. (2016) *Ostrovny v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920)* [Islands in storm. Everyday Life of the Czechoslovak Legions in the Russian Civil War (1918–1920)]. Prague: EPOCH.

39. Vácha, D. (2015) *Bratrstvo. Všechny a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918* [Brotherhood. Everyday and dramatic days of Czechoslovak legions in Russia 1914–1918]. Prague: EPOCH.

40. Zabloudilová, J. (2018) *V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918)* [In Russian captivity: Organization of captured Czechs and Slovaks in Russia (1914–1918)]. Prague: EPOCH.

41. Zima, J. (2013) *Zima v Rusku. Zápisky českého legionáře* [Winter in Russia. Czech Legionnaire Notes]. Prague: Omnibooks.

Дулатов Берик Кайратович – магистр истории, докторант кафедры экономической и социальной истории философского факультета Остравского университета (Чешская Республика).

Berik K. Dulatov – University of Ostrava (Czech Republic).

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com